

Глава отредактирована и адаптирована благодаря активностям во время ивентов.

Оуян Хуацзай внезапно вспомнил о том, что он говорил во время соревнования и о том, что ему говорила толпа лизоблюдов. И осмыслив происходящее, он с печалью осознал, что он прожил последние десять лет, ради... Да ради нихуя! Он ничего не добился! Он каллиграфично писал, используя технику “дикий курсив” и по идее, его каллиграфия была в форме дикой рукописи! Но, если он взглянет на неё теперь, там не будет дикой рукописи! Там будут слегка напыщенные царапки! Эта его каллиграфичная работа, была полной хуйней, которая не стоила и цента! А слова, что сейчас предстали перед ним, являлись истинной каллиграфией! Каждый символ, в этом каллиграфичном тексте, был подобен божественному дракону, а два символа “Будды” и “Дракона”, стояли больше, чем их вес в золоте.

Оуян Хуацзай впал в беспробудный ступор. И многие люди, были этим событием озадачены. Их интересовал ответ на такой вот вопрос: насколько отвратительным был этот текст, что он вызвал у Оуян Хуацзая подобную реакцию?

Любопытные люди подходили к этому тексту, чтобы взглянуть. И затем, один за одним, они почувствовали себя так, как если бы в них ударила молния! Этот текст, что, был написан человеком?

В этот самый момент, Фанчжэн наконец-то закончил со всей ежедневной рутинной. Он вытер пот со своего блестящего лба и про себя пробормотал: «Эх, хоть это всё и является лишь рутинной, всё же, она уже стала такой привычной и родной. И если я не заканчиваю с ежедневной рутинной, мне начинает казаться, что я прогуливаю, дабы лодырничать. Прямо, как в школьные деньки. Без рутинной работы, моё сердце не может успокоиться. И теперь, когда я со всем закончил, я наконец-то могу потратить свободное время, лишь на себя родимого, в мире и спокойствии.»

Когда он закончил эту мысль, кто-то постучал в его входную дверь.

Фанчжэн был озадачен этим событием. А теперь то что? Я уже закончил писать, так почему ко мне опять стучатся в дверь? К нему, в храм, пришла огромная толпа людей, но, никто из них, не преподнёс в храме подношения. Всё что они делают – это создают никому ненужный шум. У них попросту отсутствует даже самая базовая вежливость!

Фанчжэн открыл входную дверь и увидел группу людей, стоящих снаружи, которые уставились на него, с покрасневшими глазами.

Фанчжэн удивился происходящему и поэтому, он вздохнул и сказал:

– Амиабха. Гости, есть что-то, с чем я могу вам помочь?

- Монашек, те слова, на бумаге и вправду были написаны тобой? - Оуян Хуацзай был первым человеком, который сейчас заговорил.

Фанчжэн нахмурился и сказал:

- Да, они были написаны этим Нищим Монахом. Почему вы об этом спрашиваете? У вас, гость, что, по этому поводу есть какие-то вопросы? Этот Нищий Монах уже вам говорил, что он не знает, как расписывать каллиграфию. Поэтому, слова, что были написаны его руками, едва ли можно было поставить на пьедестал утонченности...

«Тьфу! Бьех! Пьюф!»

В тот момент, когда они слышали слова Фанчжэна, довольно-таки большое количество людей, что стояли снаружи, практически блеванули кровью!

Сегодня, на гору Одного Пальца, пришла большая толпа людей. И часть из них, буквально была всеми членами ассоциации каллиграфов. Абсолютно всеми! Все они являлись первоклассными каллиграфами! И у кого из них, мог быть недостаток в навыках? Их завершённые каллиграфические работы и не стоили больших денег, но, у них не было никаких проблем, с зарабатыванием на жизнь и с обеспечением их семей. И таким обстоятельством, они гордились больше всего на свете. Ведь какой-то мазнёй на бумаге, за пару минут, они могли полностью обеспечить себя и семью!

Тем не менее, когда они сравнили свою каллиграфию, с каллиграфией Фанчжэна, они почувствовали, что их каллиграфические работы, по факту, были хуже, чем гнилое дерьмо! Тем не менее, та каллиграфия, которую они оценили, как божественную, в глазах Фанчжэна, была абсолютным мусором! Тогда, чем являлась их каллиграфия в глазах Фанчжэна? Хуже, чем говно-сталактит, которое повторно запихали в задницу больной коровы, чтобы она его впоследствии высрала?

Разве нужно было заходить настолько далеко, в отвешивании им ментальных и зычных пощечин?

Они сейчас вспомнили о том, насколько они были самодовольны! Они упивались своей уникальностью, ведь они - светоч этого мира, - каллиграфы! Они вспомнили о том, с каким презрением они относились к Фанчжэну! Ведь он - ссаная деревенщина, которая не умела пользоваться кистью и тушью! Они вспомнили о том, как они над ним измывались, ведь он монах-наёбщик, из-за которого они проебали тут всё утро! Они начали смущаться и краснеть! Они хотели выкопать дыру в земле, чтобы там спрятаться. Им выдали слишком болезненную пощечину! Которая ударила им прямо в сердце! Больно, как же больно!

Оуян Хуацзай сосредоточенно уставился на Фанчжэна. Этот взгляд озадачил Фанчжэна и поэтому, он подумал: «Этому старому хрычу, что, нравятся мужчины? Система, если меня изнасилуют, это же не будет считаться нарушением обетов, верно же?»

Система ответила ему на полном серьёзе: «Это будет считаться нарушением обетов!»

В этот же момент, Фанчжэн потерял дар речи. И затем, он про себя подумал: «Это то же считается нарушением обетов? Ладно, ладно, похоже, что этому Нищему Монаху, сегодня, придётся кое-кого убить».

– Я отказываюсь в это верить! – и в этот момент, внезапно прокричал Блинолицый.

– Ты отказываешься в это верить? – Хоу Цзы был просто взбешён его действиями и поэтому, он схватил Блинолицего за воротничок. Затем, он проорал: – А ну ка, повтори мне это в лицо!

«Ка-ча!»

Вспышка ослепила Хоу Цзы, и он увидел, как Чэнь Цзин опустил камеру. Затем, он эксцентрично произнёс:

– Как и ожидалось от дикого и злого монаха. Никто ведь не видел, как он писал эти слова. Кто знает, возможно, он достал уже выполненную работу и заменил ей свою. На него никто не смотрел, и он мог легко это сделать. И как только разумные подозрения были озвучены, они моментально столкнулись с грубой силой! Разве это не подозрительно? Какие же вы унылые мошенники!

Хоу Цзы рассвирепел. Он указал пальцем на Чэнь Цзина и затем, проорал:

– Манерный педик, следи за языком!

– Я за ним слежу, причём очень хорошо, в отличии от таких сквернословов, как ты. Так что, нет нужды, мне об этом напоминать, – с фырканьем произнёс Чэнь Цзин.

Ву Чанси со злобой проговорил:

– Чэнь Цзин не неси чепухи! Как мы могли подготовить каллиграфичную работу для подмена, раньше времени? Ведь тема для данного соревнования, была выбрана именно президентом Цзян Сунюнем! Причём, она была выбрана в обход любой адекватной логики. Я в жизни не видел такого подсуживания Оуян Хуацзаяю! Вот и вопрос. Каким образом, мы вообще могли подготовиться к неизвестной теме, раньше времени? Вывод такой. Если мы смогли подготовить каллиграфичную работу для подмена, раньше времени, то, разве это не будет означать о том, что мы просто сговорились с президентом Цзян Сунюнем, ради подобного дела?

Когда Цзян Сунюнь это услышал, его лицо поникло, а он сам, реально помрачнел.

А когда Чэнь Цзин это увидел, он слегка улыбнулся, но, подобное действие, лишь усилило ту

травму лица, которую он получил от Толстяка. Он скорчился от боли и затем, он через стиснутые зубы проговорил:

- Президент Цзян, естественно, не станет сговариваться с этим злобным монахом, но, в этом мире существует одна неизбежная и несменяемая вещь – она называется “удача”! «Лирика чтобы Помнить Ваше Очарование – Воспоминание о Сказании Красной Горы» Слишком знаменитое произведение. Так что, мы не можем отрицать шанс того, что эксперт-каллиграф, заранее написал для вас эту стихотворную оду.

- Ты! – Ву Чанси был сейчас нереально разгневан.

Фанчжэн нахмурился, когда он увидел такой вот поворот. Всё что тут произошло, выворачивали наизнанку. Чэнь Цзин, с самого начала искал способы, чтобы расправиться с Фанчжэном и он нападал на него, при каждом удобном случае. Из-за чего ему и преподали урок. Но, он его явно не выучил! Что за раздражающий парнишка!

Тем не менее, Цзян Сунюнь вздохнул с облегчением и сказал:

- То, что сказал Маленький Чэнь, возможно и звучит немного необычно, но, всё же, нельзя отрицать того факта, что логика в его словах, всё же присутствует.

- Цзян Сунюнь, ты вообще знаешь, что такое стыд или же нет? – из-за дикой и бушующей злости, выпалил Ву Чанси.

На что Цзян Сунюнь произнёс:

- Ву Чанси, выбирай выражения. Несмотря на то, что шанс на подобные события – которые описал Чэнь Цзин, – очень низки, их было нельзя исключать! Кто смотрел за работой монашка? Лишь вы трое. Причём, вы изначально были с ним в сговоре! Поэтому, как мы можем верить вашим словам? Мы сможем узнать правду, если этот монашек напишет ещё одну каллиграфическую работу. И если работы будут идентичны, то, естественно, я больше не скажу ни слова.

- Ты, возможно, им и не веришь. Но, что случится, если я подтвержу их слова? – и в этот момент, неожиданно высказалась Цзин Янь.

- Цзин Янь, ты? – Чэнь Цзин тут же встревожился, когда он увидел, что Цзин Янь захотела замолвить словечко за Фанчжэна и за его честное имя.

Цзин Янь пропустила слова Чэнь Цзина мимо ушей и продолжила говорить:

- Для чего нам проходить через все эти трудности? Учитель – это человек, что отрёкся от светского мира. Он преодолел фундаментальные границы этого мира. Это место является его

храмом, и оно не предназначено, чтобы создавать тут лишний и ненужный шум. Это соревнование, было чем-то, в чём учитель, даже и участвовать не хотел и всё же, вы заставили его в нём участвовать. А теперь, вы даже желаете, чтобы учитель переписал свою работу? Разве этим действием, вы не выражаете слишком большое неуважение к учителю, на его же земле? Вы хотите доказательств? Так возьмите мою камеру и узрите. Мой оператор записал весь процесс написания. И если вы хотите его увидеть, то впредь, вам никто не запрещает!

Когда эти слова были высказаны, лицо Чэнь Цзина моментально позеленело. Он с самого начала находил Цзин Янь, немного странной. Он удивился тому факту, что она сама предложила помощь этому монаху, с растиранием и натиранием туши, в раствор! Теперь же, Цзин Янь даже высказывалась в его поддержку, дабы доказать правоту этого монашека. Поэтому, он еще сильнее позеленел от зависти.

Он чинил Фанчжэну неприятности, из-за спущенного волка, что его покусал. Из-за него, он опозорился на глазах Цзин Янь и поэтому, он хотел мести! Но, теперь, его зависть пересилила все остальные чувства!

- Дайте мне посмотреть! - и в этот момент, высказался именно Оуян Хуацзай. Цзян Сунюнь и компания, посмотрели друг другу в глаза и незамедлительно последовали за ним.

Как говорится, видео было задокументированными фактами, которые расскажут им правду. Но, многие штуки, видео не могло передать, а именно: в каком состоянии находился Фанчжэн при письме и какую ауру он излучал. Тем не менее, оно могло доказать этим людям то, что данные символы, были написаны Фанчжэном.

После просмотра видео, все эти люди переглянулись и сейчас, у них просто не было слов. А лицо Цзян Сунюня, даже слегка покраснело. Это была фигуральная пощечина по лицу, которая и действительно доставила ему жгучую боль!

Оуян Хуацзай посмотрел на Цзян Сунюня, а затем, он перевёл взгляд обратно, на Фанчжэна. Он прошептал слова Цзян Сунюню на ушко и ими сказал:

- Президент Цзян, насчёт этого дела, я думаю...

- Я понял. Не волнуйтесь. Я знаю, что нужно делать, - Цзян Сунюнь кивнул, даже не дожидаясь того, пока Оуян Хуацзай закончит шептать свои слова.

- Президент Цзян, ну теперь то, мы можем услышать результат? - спросил Ву Чанси.

Цзян Сунюнь кивнул и затем, он сделал глубокий вздох:

- Каллиграфия монашека и вправду, довольно неплоха. Она впечатляюще передала стиль и настроение Будды. Это и действительно редкость, что каллиграфические слова могут выражать

чувства, как портрет. У этого монаха стиль мастера-каллиграфа.

После этих слов, Ву Чанси, Толстяк и Хоу Цзы, были просто вне себя от радости. Тем не менее, Фанчжэн из-за них нахмурился. Его каллиграфичная работа, что, и вправду была настолько хороша? Тогда, почему он этого не понимал? По сравнению со словами, что написали настоящей техникой “Послание Дракона и Будды”, его слова, были не более, чем кучей вонючего дерьма!

<http://tl.rulate.ru/book/17996/480326>